PG
3321
.A85B8

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PG1527
Book R

YUDIN COLLECTION

БЫЛИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1831.

/

1028
271

БЫЛИ.

Были
Сочиненія
П. Атрѣшкова
MDCCCXXXI.
Г. А. Ш.

Atreshkov, Pavel

БЫЛИ.

Сочиненіе

Павл. Атрѣшкова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

въ типограф. департ. народ. просвѣщ.

1831.

PG3321
.A85B8

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 5 Октября 1831 года.

Цензоръ Сенковскій.

Перебирая мой портфёль, я полагалъ, что листы сіи могутъ доставить нѣсколько минутъ развлеченія не только самому ихъ Автору, но и другимъ; если это такъ, то они не будутъ послѣдними, предлагаемыми мною публикѣ.

Сочинитель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Любовь жидовки	3
II.	Призракъ	29
III.	Пріятное знакомство	69
IV.	Емигрантъ	93
V.	Сизые очки	129
VI.	Встрѣча съ водянымъ	145

ЛЮБОВЬ ЖИДОВКИ.

По всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

А. Пушкинъ.

ЛЮБОВЬ ЖИДОВКИ.

По всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

А. Пушкинъ.

Далеколь еще? спросилъ я у ямщика Малороссіянина, сворачивая съ большой дороги. — Не дуже далѐко[1], отвѣчалъ онъ. — Петръ, дай ему на водку, да погоняй поскорѣе. Кнутъ взмахнулъ, борзые кони помчались и пыль повалила клубомъ.—Быстро смѣнялись предомною худо воздѣланныя нивы, луга

съ тощими стадами, бѣдныя, обнаженныя селенія, столь частыя въ семъ краю минувшаго изобилія, и я нечувствительно доѣхалъ до деревни Виктора, разбросанной на прекрасномъ мѣстоположеніи.

Свидясь съ товарищемъ моего дѣтства, мы тотчасъ узнали другъ друга, не смотря на то, что время, влача за собою перемѣны, рѣзко обозначило ихъ на немъ. — Его наружность почти ничего не сохранила отъ первой юности; самыя черты лица, казалось, приняли другой размѣръ; дѣтская безпечность, одушевлявшая ихъ нѣкогда, замѣнилась выраженіемъ задумчивости, хладнокровія; и онъ,

проясняясь въ моемъ воображеніи, изъ сумерковъ воспоминаній предсталъ хотя и инымъ, но совсѣмъ тѣмъ весьма знакомымъ.

При всемъ своемъ радушіи, Викторъ былъ печаленъ, разсѣянъ; — удовольствіе, которое силился онъ разбудить въ сердцѣ воспоминаніемъ о прошедшемъ, для насъ общемъ, не могло разсѣять скрытой печали, его тяготившей.

Спустя не много времени онъ представилъ меня своей матери. Это была женщина довольно пожилая, высокая ростомъ, худощавая. Въ ней видѣнъ былъ умъ и нѣкоторая образованность; не смотря на то, сухой и лаконичe-

скій тонъ лишалъ сообщество ея всякой занимательности.

Усильныя просьбы Виктора, равно какъ и усталость отъ дороги, заставили меня остаться въ его домѣ до слѣдующаго дня.

Несносный жаръ вызвалъ насъ въ садъ. Живущіе въ деревнѣ весьма часто навѣрное предузнаютъ перемѣны въ атмосферѣ: отъ нее ниспосылается изобиліе и опустошеніе на поля, несущія имъ благоденствіе или разореніе. Отъ того-то съ такимъ вниманіемъ стараются они предугадывать ее въ ощущеніяхъ собственныхъ, въ животныхъ и вообще во всемъ окружающемъ. Викторъ рѣшительно

былъ увѣренъ въ приближенiи грозы, хотя чистая лазурь неба еще не была помрачена ни малѣйшимъ облакомъ. Прошло нѣсколько времени, духота и сжатость воздуха увеличились, и послѣ совершенной тишины повѣяла прiятная прохлада, а за ней дальнiй горизонтъ началъ медленно выдвигать горы и разные фантазмогорическiе образы, составленные изъ громады облаковъ. Они какъ бы съ усилiемъ, утомленные, взбирались на высокое небо, таща за собою поле мрака, широкою тѣнью отразившееся на окрестностяхъ и распространявшее подъ собою торжественный ужасъ. Самые листья и цвѣты

подчинясь общему страху, во ожиданіи безъизвѣстномъ, преклонились въ безмолвіи. Далекій грохотъ раскатился по небосклону и въ слѣдъ за нимъ излучистая стрѣла молніи ринулась долу быстро, какъ мысль человѣка. Еще раскатъ и страшная туча, распахнутая пламенемъ, обнаружила бездну огня заключенную въ ея нѣдрахъ.

Созерцая ужасы природы сердце цѣпенѣетъ, подавляя въ себѣ мѣлкія страсти, и душа пораженная великостію картины исполняется благоговѣйнаго ужаса къ безпредѣльнымъ силамъ вселенной. Лице Виктора оживилось, взглядъ прояснился; поэзія души его от-

разились въ выразительныхъ чертахъ.

Въ такомъ расположеніи духа оставили мы садъ и уже сидѣли въ комнатѣ обращенной окнами къ рѣкѣ, все еще продолжая наши наблюденія надъ грозою, какъ послышался на дворѣ стукъ экипажа. Чрезъ нѣсколько минутъ потребовали Виктора къ матери.—Я медленно пошелъ за нимъ.

Громкій разговоръ въ гостиной остановилъ меня. Человѣкъ высокаго роста, согбенный подъ ношею лѣтъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ хозяйки дома; черная шапочка прикрывала его сребровидные, кудрявые волосы, осѣняв-

шіе остроконечныя черты лица, исполненнаго выраженія горести; при блескѣ молній, онъ казался священнымъ Левитомъ, сошедшимъ въ буряхъ повѣдать человѣкамъ волю раздраженнаго Еговы.

Изъ задалека зарокоталъ громъ, и грознѣй, грознѣй съ усугубляющеюся силою, раскатясь по небу съ ужаснымъ трескомъ, въ молніяхъ разразился надъ затрепетавшею землею. Домъ дрогнулъ на основаніи; я невзвидѣлъ свѣта, изумленный, задавленный трескомъ. Прошло нѣсколько мгновеній; болѣзненный стонъ увѣдомилъ меня о слѣдствіяхъ страшнаго удара. Въ удаляющихся раскатахъ опустошитель-

ная гроза завладѣвшая небомъ, понеслась надъ новыми жертвами.

Вошедши въ гостинную, въ которой разразился ударъ, я увидѣлъ страшную картину опустошенія: посинѣлый трупъ Виктора, отброшенный ударомъ, лежалъ по срединѣ; престарѣлый Израильтянинъ стоялъ на колѣнахъ съ поникшею къ груди главою, прижавъ къ сердцу руку; полумертвая мать Виктора лежала на диванѣ. Тревога поднялась въ домѣ. — Прибѣжавшіе люди начали хлопотать около остававшейся въ безпамятствѣ барыни. Въ недоумѣніи, смѣшанномъ со страхомъ и любопытствомъ, они подходили къ трупу Виктора. Я велѣлъ

вынести его, чтобы внезапно не поразить несчастной матери всею великостію ея потери.

Когда принесли Виктора въ кабинетъ, престарѣлый дядька не оставлявшій его съ колыбели, съ отчаяніемъ бросился на бездушное тѣло, еще льстясь найти въ немъ признаки жизни. — Онъ раздиралъ одежды на мертвой груди, касаясь ее трепещущею рукою, и бродя сухими взорами. Отчаяніе сего вѣрнаго друга было выше всякаго утѣшенія.

Гдѣ жизнь, одушевлявшая бренный составъ сей, такъ прекрасно сооруженный изъ праха?—Еще немного разъ озарить его образъ вѣчной

жизни свѣтлое солнце, обольетъ теплотою, и потомъ разоблачивъ послѣдніе остатки единства, возвратитъ стихіямъ отъ нихъ взятое; — и тогда спросите у огня вселенной, у вѣтровъ пустынь, у океана водъ, гдѣ тѣ атомы ихъ безпредѣльности, которые составляли вашего Виктора?

Изъ разбросаннаго платья выпалъ свернутый листъ бумаги; я поднялъ его.

Суматоха, безпокойство въ домѣ, гдѣ я былъ почти незнаемъ, несчастный случай, невозможность быть полезнымъ, дѣлали дальнѣйшее присудствіе мое излишнимъ.

Узнавъ, что скоро должна пріѣхать замужняя дочь хозяйки дома, я поручилъ изъявить ей мои чувства сожалѣнія о случившемся, и отправился въ ближній городъ, откуда долженъ былъ продолжать свой путь.

Я обогналъ Еврея, участвовавшаго въ несчастіи отъ громоваго удара; кучеръ сказалъ мнѣ, что это былъ откупщикъ города.

Усталый, изнеможенный доѣхалъ я до почтовой станціи. — Привѣтливая хозяйка трактира, въ которой перебрался я на ночлегъ, болтливостію своею нѣсколько развлекла меня. Отъ нее узналъ я о всѣхъ проѣхавшихъ за недѣлю бо-

гатыхъ и знатныхъ господахъ, о Нѣмцѣ полицеймейстерѣ недавно опредѣленномъ, о непомѣрномъ богатствѣ жида откупщика, его прекрасной дочери, о крестинахъ уѣзднаго аптекаря ихъ, на которыя и она получила приглашеніе, и о прочихъ подобныхъ сему новостяхъ, равно для меня интересныхъ. Вкусный ужинъ и чистая комната, еще болѣе утвердили мои чувства признательности къ доброй Малороссіянкѣ, умѣвшей съ досужестью трактирщицы соединить привѣтливость домовитой хозяйки.

Простясь съ моею Калипсо, я готовъ былъ въ покойной постелѣ

забыться сномъ, какъ вспомнилъ о письмѣ поднятомъ мною въ комнатѣ Виктора, которое за поспѣшностію осталось у меня. Оно написано на Нѣмецкомъ языкѣ; содержаніе его изумило меня:

«Скажите, за что смущаете вы тягостное спокойствіе Іудеянки, наслѣдовавшей отъ праотцевъ печаль и отверженіе? — Къ чему увѣренія ваши въ томъ чувствѣ, котораго я даже назвать не смѣю.— Изочли ли вы сію безпредѣльность раздѣляющую насъ?— И вы увѣряете меня въ возможности счастія. — Нѣтъ, — забудьте ту, которая имѣетъ право на ваше состраданіе. — Васъ ожидаетъ повсюду раз-

влеченіе и радость; я же имѣю еще утѣшеніе: отрадныя слезы, выжатыя изъ стѣсненной груди будутъ услаждать печаль мою, пока не изсохнетъ мое сердце. — Не удивляйтесь, что я отвѣчаю вамъ: могу ли сомнѣваться въ благородствѣ души вашей! »

Тягостныя впечатлѣнія дня, лежавшія на сердцѣ во всей ихъ цѣлости, тревожа усталыя чувства, породили смутныя грезы, одна другую смѣнявшія, и не дававшія душѣ успокоенія. Мнѣ привидѣлся Викторъ сошедшимъ на мрачныхъ тучахъ; чело его уже не носило печали; взоры исполнены были спокойствія и радости. Онъ

съ тихою улыбкою счастія пожалъ мнѣ руку и указалъ на страшныя пропасти и утесы насъ окружавшіе. — Буря завыла съ шумомъ и свистомъ. — На высотѣ съ распущенными по вѣтру волосами остановилась женщина.... бездна была у ногъ ея. — Я вздрогнулъ, проснулся.

Трепетъ сердца, недоумѣніе, послѣ самаго пробужденія, еще соединяли меня съ призракомъ. Я всталъ и подошелъ къ окну: безмолвіе окрестностей, осыпанныхъ яркими лучами утренняго солнца, съ усиліемъ разочаровывая призракъ и вводя въ сердце невѣрное спокойствіе, наводило на душу уныніе.

Въ намѣреніи отыскать откупщика — жида, я пошелъ бродить по городу. Улицы мало по малу оживлялись, и дѣятельность, пробужденная присудствіемъ дня, начала принимать права свои.—Чрезъ неопрятный дворъ, окруженный нечистыми службами, заваленный бочками, изломанными телегами, и другими подобными вещами, вошелъ я въ большой двухъ-этажный домъ. Въ первой комнатѣ, вѣроятно при построеніи опредѣляемой для лакейской, нашелъ я жидовъ, цѣловальниковъ и другія лица, по смѣшанному костюму которыхъ и по неопредѣленности физіогномій, невозможно было угадать назна-

ченіе ихъ въ передней откупщика.— Тутъ же мелькали два или три полицейскіе солдата, въ лицахъ и одеждѣ коихъ господствовалъ бурый цвѣтъ, наведенный на нихъ временемъ.

Пройдя нѣсколько комнатъ, въ коихъ богатство, безвкусіе и неопрятность выказывались повсюду, вошелъ я въ спальню хозяина. Посреди сундуковъ покрытыхъ коврами, и старыхъ комодовъ съ бронзовою отдѣлкою, окруженный подушками различныхъ формъ и цвѣтовъ, лежалъ на постелѣ старикъ. — Онъ узналъ меня, приподнялся, просилъ сѣсть, жалуясь на свое несчастіе. — Слабость не поз-

воляла ему говорить; онъ же самъ почти ничего не могъ слышать. Родственникъ его тутъ бывшій, увѣдомилъ меня, что семейство старика составляетъ единственная дочь, которая со времени извѣщенія о несчастномъ происшествіи впала въ глубокую горесть, и что въ этотъ день еще никто не видалъ ее. — Я старался убѣдить его въ необходимости принять мѣры для ея утѣшенія, въ которомъ она по свойственной молодымъ лѣтамъ чувствительности, должна была имѣть крайнюю необходимость.

Онъ отправился къ ней, и я навязался ему въ сопутники. Яркіе

лучи солнца проникая сквозь пунцовыя занавѣсы, освѣщали прекраснымъ полусвѣтомъ комнату, убранную старинною мебелью съ золотыми украшеніями, и вдѣланными въ стѣны составными зеркалами. Когда мы вошли, сидѣвшая въ задумчивости молодая дѣвушка встала, и медленно ступая подошла къ намъ. — Красота Іудеянки поразила меня. Ея идеальныя черты лица оживленныя румянцомъ, ярко пламенѣвшимъ на щекахъ, смутные взгляды черныхъ очей, не вполнѣ закрытыхъ длинными рѣсницами, показывали сильное душевное волненіе, отражавшееся даже на возвышенномъ челѣ ея

бѣлизны безподобной, казавшейся еще разительнѣйшею отъ черныхъ волосъ, сходившихъ къ ушамъ и отъ темнозеленой жидовской повязки, украшенной драгоцѣннымъ камнемъ, который игралъ всѣми цвѣтами радуги.

«Ревекка, сказалъ со мною вошедшій Еврей, батюшка прислалъ меня узнать, успокоились ли вы хотя нѣсколько послѣ несчастія вчерашняго дня; ему самому лучше, и онъ желаетъ васъ видѣть.» — «Отецъ мой, отвѣчала она, углубившись въ самоé себя, мой престарѣлый отецъ возвратился, а я не спѣшу къ нему.... Онъ болѣнъ; но кто убійца его?.... Какъ мнѣ

душно.... болѣнъ? ктожъ умеръ, онъ, онъ?...» и слова замерли на трепещущихъ устахъ; слезы оросили прелестныя рѣсницы ея, и мы болѣе ничего не могли услышать отъ несчастной. Произнесенныя ею слова были кажется послѣдними, вызванными ея памятью изъ прошедшаго.

Совершенство красавицы было поразительно; съ утраченными умственными способностями она еще была прекрасна, какъ вдохновенная пѣснь печали, переданная геніемъ въ творческихъ звукахъ на поврежденной арфѣ.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ я оставилъ домъ Ревекки, и испол-

ненный печали отправился въ путь.

Вечерѣло.—Багровый свѣтъ солнца, почти утонувшаго уже въ морѣ облаковъ, медленно уступая сумеркамъ, сгущавшимся въ чащѣ лѣса, мало по малу блѣднѣлъ; окрестности безмолвствовали, вмѣстѣ съ воцаряющеюся ночью мнѣ становилось грустнѣе и грустнѣе. Въ селѣ, въ которое я въѣхалъ, все уже покоилось глубокимъ сномъ; одинъ усталый колокольчикъ мой, да вѣрные стражи села по временнымъ лаемъ будили окрестности, закрытыя широкою мантіею ночи. Душа моя была мрачна, какъ темнота меня окружившая. Я во-

шелъ въ станціонный домъ и расположился въ немъ ночлегомъ. — Сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ. — Передавая бумагѣ тягостныя ощущенія я облегчилъ мое сердце. — Можетъ быть разказъ мой, когда нибудь пробудитъ на минуту усыпленную чувствительность, и тогда не напрасны строки сіи.

ПРИЗРАКЪ.

Равны, о Крезъ! а мракъ могилы—
Кому изъ насъ ужаснѣй онъ?

А. Писаревъ.

ПРИЗРАКЪ.

Равны, о Крезъ! а мракъ могилы—
Кому изъ насъ ужаснѣй онъ?

А. Писаревъ.

Что дѣлать живучи одному въ деревнѣ? предвижу ваши возраженія: вы скажете: днемъ гуляй, читай, наслаждайся сельской природой; когда жъ вечеромъ комары загонятъ тебя въ уединенный кабинетъ, а потомъ ночь призоветъ въ спальню, то.... понимаю, понимаю, все это хорошо, весьма

хорошо, но помилуй Богъ, какъ скоро надоѣстъ. — Такъ поѣзжай въ Петербургъ, нарядись въ Руческій [2] модный сюртукъ, въ Циммерманов-скую [3] шляпу, и вооружась наблю-дательнымъ лорнетомъ, гуляй подъ сѣрымъ небомъ, дыши мокрымъ воз-духомъ, любуйся нарядами столич-ныхъ щеголихъ, но не заглядывай подъ высокія ихъ шляпки, а еще менѣе, не лови ихъ неочарова-тельныхъ взоровъ: тебѣ знакомы прелестныя очи и уста дѣвъ Юга! Все такъ; между тѣмъ, мнѣ та-ки скучно, а потому Петръ при-готовь охотничье платье.... да кажется у дядюшки былъ егерь, или что-то въ этомъ родѣ. —

Отыщи его и вели собраться завтра рано. Пускай съ вечера вычиститъ ружья, приготовитъ собакъ и словомъ сдѣлаетъ все, что нужно для охоты. — Разбудить меня ровно въ пять часовъ. — Слушаюсь. — Распорядясь такимъ образомъ, я легъ въ постель и Морфей не замедлилъ осыпать меня своими цвѣтами.

Докучный Петръ съ своею проклятою аккуратностію въ минуту самаго сладчайшаго утренняго сна взбударажилъ меня. — Нѣчего дѣлать: я всталъ, принялся за чай. — Между тѣмъ страшилище пернатыхъ жителей окрестныхъ лѣсовъ и болотъ, охотникъ Яковъ

въ полномъ доспѣхѣ предсталъ предомною. — Здравствуй Яковъ; все ли у тебя готово? — Все, Сударь, все готово, все исправно; бывало, блаженной памяти вашъ дядюшка, безъ меня и ружья не бралъ въ руки, а кажись его милость изволилъ быть всегда доволенъ моей службой и никогда не гнѣвался. И то правда, въ ту пору охота была какъ то по удачнѣй, а нынѣ поглядишь и дичи-то поубыло, да и птица стала хитрѣе. А что собаки, свѣжи ли они? хороши ли? — Помилуйте сударь, собаки у насъ хорошія, выдержанныя, свое дѣло разумѣютъ; и то правда, что Гарсонъ уже по-

устарѣлъ, а Фрипонъ съ прошедшей осени, какъ я ходилъ на тетеревей и драфъ, занозивъ въ терновникѣ переднюю ла́пу, да хоть и прихрамываетъ, но совсѣмъ тѣмъ отыскать и принести дичъ не помѣшкаютъ.

Мы пустились въ путь, а за нами поплелися и старой Гарсонъ и хромой Фрипонъ. — Мнѣ никогда не случалось быть на охотѣ, а потому не умѣя еще цѣнить удовольствій, ею доставляемыхъ, я вѣроятно забылъ бы даже, что она была предметомъ моего странствованія, когда бъ Яковъ постукивая крышкой своей большой плоской табакерки о донушко, и

понюхивая табачекъ, не прерывалъ моихъ размышленій, изчисляя отъ времени до времени породы птицъ, ихъ свойства, мѣста приволья и прочее....

Наконецъ мы выбрались изъ деревни и пройдя рощу очутились на возвышеніи. Еще незнойные лучи подымавшагося надъ горизонтомъ солнца, омытаго утреннею росою, разсыпаясь надъ тонкимъ паромъ, облекавшимъ безмолвную, дремлющую землю, представляли окрестности, какъ бы очарованными по манію всемогущаго, волшебнаго жезла. Быть жаркому дню: паръ палъ на землю, сказалъ Яковъ, пропуская въ носъ сильную порцію

табаку. И то правда, подымись онъ къ верху, то ждать бы дождя: помѣха сѣнокосу.

Предъ нами развернулось прекрасное озеро, котораго противуположный, далекій берегъ терялся въ тростникѣ и кустахъ, оканчивавшихся лѣсомъ. Яковъ продолжалъ разсуждать вслухъ, я молча мечталъ; Гарсонъ и Фрипонъ, утратившіе, какъ и хозяинъ ихъ, пылъ молодости, не торопясь шли сзади. Невдалекѣ отъ озера, въ небольшой долинѣ изъ подъ навѣса вѣтвистыхъ, столѣтнихъ дубовъ выглядывала маленькая часовня; ее облегали терновникъ, репейникъ и другія колючія, сцѣпляющіяся и

широколистыя растенія, изъ коихъ плющъ и хмѣль, взобравшись на кровлю, стлались по ней желто-зеленою тканью. Тамъ было все тихо, какъ въ могилѣ; казалось жизнь забыла о семъ жилищѣ безмятежности, и усѣвшееся подъ уединеннымъ кровомъ его, осѣненнымъ тяжелыми вѣтьвями, сумрачное молчаніе дремало въ невѣденіи о перемѣнахъ, общихъ всему существующему. Самыя пчелы и косматые шмели, летѣвшіе прочь, таинственнымъ, томительнымъ жужаніемъ своимъ роптали на угрюмость и негостепріимство долины. За ней изъ за деревьевъ мелькала церковь ближняго села;

вправо тянулся лѣсъ, сходившій къ озеру.

«Баринъ, баринъ, бормоталъ Яковъ, дергая меня за фалды, « извольте итти по берегу; тамъ за поляной, въ тростникѣ навѣрное есть дичь; тутъ же намъ незачѣмъ мѣдлить, птица теперь страхъ чутка. Богъ съ ней съ этой нечистой долиной; не даромъ Фрипонъ обнюхиваетъ землю, что нибудь да чуетъ. Пойдемте, ради Бога уйдемте отселѣ.» Между тѣмъ морщинистое лице Якова отъ страха стало вдвое длиннѣе и глаза его изъ подъ высоко вздернутыхъ сѣдыхъ бровей блистали ярче обыкновеннаго. Взглянувъ на старика

я самъ ощутилъ боязнь, и уже оставивъ долину, узналъ отъ него, что это мѣсто слыветъ проклятымъ въ народѣ. Къ нему безъ ужаса никто не подходитъ, и далеко объѣзжаетъ его запоздавшій.

Тамъ, какъ увѣрялъ Яковъ, наетанетъ лишь ночь, обсядутъ долину сѣрыя совы, зловѣщіе филины, рогатые лѣшіе, злыя вѣдьмы въ кошечьемъ образѣ, или въ клубокъ обратившись, и сторожатъ страшную тѣнь стараго пана, который, ударитъ лишь полночь, показывается изъ часовни въ длинномъ саванѣ и становится лицемъ къ лунному свѣту. Тутъ пойдетъ

кругомъ крикъ, вопль, стонъ и рыданье, то сгубленныхъ имъ родныхъ и чужихъ, то съ отчаянья изнывшихъ, имъ разоренныхъ. Мучится его душа, будучи не въ силахъ покинуть землей не принятаго трупа. Тщетно костяная его рука силится подняться для крестнаго знаменія, чтобъ помолиться о пощадѣ; луна вдругъ краснѣетъ, являются на небѣ грозныя тучи и рука не шевелится. Но лишь пропоютъ пѣтухи въ сосѣднемъ селѣ, все смолкнетъ и въ долинѣ все тихо, какъ бы ничего въ ней не бывало.

— « Знать убоялся онъ святыни, что завѣщалъ себѣ въ полѣ могилу,

бормоталъ Яковъ; вѣдь вонъ и церковь его села; чтобъ велѣть въ ней схоронить свои грѣшныя кости. И то правда, совѣсть претила.— Такъ, подумалъ я, память о зломъ не изчезла; проклятью преданъ не только его прахъ, но и самое мѣсто, гдѣ сокрытъ онъ, суевѣріе уже населило призраками. Я продолжалъ бы и далѣе углубляться такимъ образомъ въ размышленія, но Яковъ снова прервалъ меня. Оглядываюсь, смотрю, онъ мечется то къ Фрипону, то къ Гарсону, и хотя лице его все было въ движеніи и онъ дѣлалъ тысячу гримасъ, но я никакъ не могъ понять, что ему было нуж-

но. — Наконецъ выстрѣлъ вылетѣлъ изъ ружья и Фритонъ пошелъ за добычей. — И баринъ! не изволили стрѣлять, а поднялась какая страшная стая утокъ, вымолвилъ Яковъ съ торжественнымъ видомъ.

Усталость, солнечный жаръ, становившійся несноснымъ, заставили меня подумать объ отдохновеніи, при томъ же и Яковъ, взглянувъ на тѣнь, сказалъ: и то правда, близко полудня. Я легъ подъ деревомъ, но вскорѣ безчисленное множество летающихъ, ползающихъ и пресмыкающихся чудовищъ съ такимъ рвеніемъ начали фуражировать по моей кожѣ, что я въ отчаяніи вскочилъ и укрѣ-

пившись духомъ, рѣшился немедленно отправиться къ дому. — Жаръ проникнулъ мои кости, не слышалъ я ногъ подъ собою, въ изнеможеніи двигая ими, какъ бы чужими. — Лучи солнечные падая на златистое море зрѣлыхъ колосьевъ, отражались съ такою силою, что если бъ мы съ Яковомъ догадались заранѣе ощипать убитую нами утку, то конечно съ готовымъ жаркимъ пришли бы домой.

Случалось ли вамъ, послѣ жестокой усталости прошедшаго дня, поздно вставши, безпечно сидѣть въ легкомъ халатѣ, въ покойныхъ креслахъ, наслаждаясь прохладой, повѣвающей изъ за опу-

щенныхъ шторъ, на которыхъ рисуются тихо колеблющіяся развѣсистыя вѣтьви деревьевъ, между тѣмъ какъ амброзій стоящаго предъ вами жирнаго кофе и дымящійся янтарь дышущей у ногъ вашихъ трубки оживляютъ васъ пріятною нѣгою? — Если случалось, то вы навѣрное, какъ и я, убѣдились, что тотъ только знаетъ всю цѣну наслажденій, кто испыталъ лишенія. Мнѣ даже казалось, что хотя тѣло мое еще чувствовало тяжесть прошедшей усталости, но за то мысли были свѣжѣе и воображеніе отражало предметы въ пріятнѣйшихъ формахъ. Въ такомъ расположеніи

родилась во мнѣ мысль расказать, какимъ образомъ я знаю стараго пана.

Я думаю мнѣ было около тринадцати лѣтъ, когда я въ первый разъ отправился съ отцомъ къ дядюшкѣ. Пріѣхавъ къ нему въ домъ, мы были встрѣчены человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ, съ умною физіогноміею, въ широкомъ родъ халата сюртукѣ кирпичнаго цвѣта и въ зеленыхъ сапогахъ. — Совершенно побѣлѣвшіе отъ времени волосы его падали почти на плеча; онъ облобызался съ батюшкой, а мнѣ далъ поцѣловать руку: это былъ мой дядюшка. Мы взошли во внутреннія комнаты; поговоривъ

съ отцомъ, старикъ пристально посмотрѣлъ на меня; послѣ чего подозвалъ, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ и потомъ поцѣловавъ въ голову, оставилъ подлѣ себя. Казалось, что онъ былъ весьма доволенъ мною и вообще пріѣздъ нашъ ему былъ очень пріятенъ. Когда дядюшка начиналъ говорить, щербина выказывалась въ верхнемъ ряду бѣлыхъ зубовъ его, это было причиной небольшаго пришепетыванья, совсѣмъ тѣмъ разговоръ его былъ пріятенъ и занимателенъ. Въ обращеніи съ нимъ отца обнаруживалось какое то почтеніе, не смотря на все добродушіе старика и родственныя отношенія ихъ.

Мы прожили у дядюшки уже нѣсколько дней. Онъ говорилъ, что если бъ чувствовалъ себя способнымъ выполнить трудную обязанность воспитателя, то рѣшился бы оставить меня при себѣ.

Я почти былъ неотлученъ при бесѣдахъ его съ батюшкой и даже часто внимая имъ съ жадностію, засыпалъ, усѣвшись въ покойныхъ креслахъ, стоявшихъ въ углу комнаты. Въ это время безпорядки и неустройства того края пораждали неизчерпаемые источники случаевъ, дѣлъ, происшествій. Самоуправство не было еще вполнѣ обуздано; сила и деньги властвовали, крамольствовали; беззa-

щитныя вдовы и сироты часто лишаемы были имущества, даже жизни, злодѣйствомъ и беззаконными тяжбами сильнаго сосѣда. — Были примѣры, что не значительный владѣлецъ, отправившись въ день Пасхи съ крестьянами верстъ за десять въ церковь, вмѣсто усадьбы своей деревни, возвращаясь, находилъ чистое поле, пройденное плугомъ[4]. Съ какимъ участіемъ старикъ сѣтовалъ о несчастныхъ, не будучи въ состояніи защитить ихъ; но прибѣгавшіе къ нему находили благотворительность и утѣшеніе.

Была осень. Въ одинъ вечеръ, послѣ долгихъ разговоровъ, дядюш-

ка пошелъ въ кабинетъ и вынесши оттуда свертокъ бумагъ, началъ читать ихъ отцу, не смотря на то, что было поздно и что слуга давно уже докладывалъ о поставленномъ на столъ ужинѣ. Вниманіе мое заблудившись въ лабиринтѣ доводовъ, доказательствъ о какомъ-то економиполитическомъ предметѣ, отказалось наконецъ отъ дальнѣйшихъ покушеній и обратилось на другое. Я сталъ прислушиваться къ однообразному бою въ доску ночнаго сторожа. Музыка сія заняла меня до того, что я даже началъ жалѣть о невозможности имѣть удовольствіе быть свидѣтелемъ такого пріятнаго занятія,

но съ другой стороны, прислушавшись къ стучавшему въ ставни дождю и вывшему между строеніемъ вѣтру, я пожался отъ пробѣжавшаго по за кожей холода и пожелалъ сторожу уже безъ меня продолжать свое упражненіе; вдругъ бой прекратился, я началъ дѣлать предположенія, догадки и наконецъ по долгимъ соображеніямъ рѣшилъ, что сторожъ измокши отъ дождя и вдов оль настучавшись отправился спать. Вдругъ вся теорія моя рушилась, бой въ доску снова раздался и еще съ большею противъ прежняго силой. Послѣ сего мнѣ надобно было опять пуститься въ догадки, какъ шумъ послы-

шался въ передней и смутилъ меня.

Дядя съ отцемъ такъ были углублены въ чтеніе, что я успѣлъ вскочить и всмотрѣться въ вошедшую женщину, прежде чѣмъ они обратили на нее вниманіе. — Она въ изнеможеніи едва могла подойти; прекрасная грудь ея высоко воздымалась; съ одеждъ, измоченныхъ дождемъ, съ темныхъ волосъ ея, въ безпорядкѣ распавшихся по груди и плечамъ, лилась вода; она хотѣла говорить, но чрезмѣрная усталость и внутреннее волненіе тому препятствовали. Дядя съ ужасомъ окинувъ ее глазами, вскочилъ, спѣша поддержать готовую упасть на полъ; проводивъ ее до

софы, онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, качая головою, пожимая плечами, ломая руки въ замѣшательствѣ и не зная что дѣлать, покамѣсть не явилась женщина, призванная догадливыми слугами.

Чувствительность очень рано обнаруживается въ человѣкѣ. Взгляните на младенца еще въ колыбели: онъ улыбается на вашу улыбку, плачетъ видя ваши слезы и сердце его уже понимаетъ васъ прежде, чѣмъ умъ, узнавъ отношенія окружающихъ предметовъ, вселяетъ въ него разчетливый эгоизмъ и уже начнетъ повѣрять ощущенія имъ внушенными правилами.

Тутъ въ первый разъ испыталъ я чувство, до тѣхъ поръ мнѣ неизвѣстное. Въ минуту, когда я взглянулъ на выразительное лице прекрасной незнакомки, выражавшее скорбь и отчаяніе, вся нѣжность любви братской, сыновней слилась въ моемъ сердцѣ. Я хотѣлъ пасть предъ несчастной, умолять ее прервать скорбь, готовый жертвовать жизнію для ея утѣшенія; но въ тоже время чувство застѣнчивости, робости, боровшіяся въ груди моей, удерживали слезы, стремившіяся съ избыткомъ излиться изъ глазъ моихъ. Незнакомка впала въ обморокъ; мы вышли.

Когда мы нѣсколько упокоившись сѣли за ужинъ, дядя сказалъ: «это дочь одного изъ моихъ сосѣдей, давно умершаго, наслѣдница довольно значительнаго имѣнія. Ей, продолжалъ онъ призадумавшись, даны всѣ блага, могущія составить счастіе; она умна, ея сердце также прекрасно, какъ и наружность, но преждевременная смерть родителей удалила отъ нее возможность воспользоваться дарами судьбы. Она живетъ у дяди-опекуна своего, человѣка скупости безпредѣльной; черная душа сего человѣка, закоснѣлая въ корыстолюбіи, не знаетъ невозможнымъ злодѣйства, только бы была въ виду

вѣрная прибыль. Не смотря на то, что онъ уже одной ногой стоитъ на краю гроба и что племянница составляетъ все его законное семейство, безчеловѣчное его съ ней обращеніе превосходитъ всякую крайность. Онъ подъ разными предлогами отдалялъ ее отъ замужства, потому, что съ симъ вмѣстѣ долженъ былъ лишиться имѣнія, которое привыкъ почитать собственнымъ. Для достиженія сей цѣли онъ избиралъ средства его достойныя: съ видомъ участія, даже притворной горести клеветалъ ее; въ неистовствѣ своемъ хотѣлъ онъ лишить ее не только состоянія, но да-

же имени въ обществѣ, лживо доказывая ея безумство и неспособность управлять принадлежащимъ ей имѣніемъ. Но пылкій умъ сей женщины, ея рѣшительный характеръ уничтожили ковъ злодѣя: она рѣшилась сама избрать себѣ мужа, зная, что одно супружество могло избавить ее отъ мучителя опекуна. Въ деревнѣ ихъ квартировали военные. Разъ рѣшившись на поступокъ отчаянный, она исполнила его съ рѣдкою смѣлостію. — Втайнѣ узнавъ до подробности свойства и достоинства Офицеровъ, она избрала изъ нихъ того, который казался ей достойнѣйшимъ довѣрен-

ности и имѣющимъ свойства, необходимыя для счастія семейственнаго. Она предложила ему руку, объяснивъ обстоятельства въ которыхъ находилась, требуя его защиты. — И какой мущина, въ которомъ бьется еще молодое сердце, въ состояніи отказать въ покровительствѣ несчастной красотѣ, даже и безъ лестныхъ условій. — Они тайно обвѣнчались и послѣ требовали отъ опекуна имѣнія ей принадлежащаго. Сей испытанный злодѣй скрылъ свое бѣшенство, клялся въ забвеніи всего прошедшаго, предлагая новобрачнымъ домъ свой для жительства, на что они къ не-

счастію и согласились; и это, что мы видѣли, вѣроятно послѣдствія скрытаго какого нибудь замысла.» Такъ говорилъ дядя, когда вошедшій человѣкъ, посланный узнать о состояніи здоровья несчастной гостьи, доложилъ, что ей весьма дурно и что она проситъ отложить объясненіе съ нею до утра.

На другой день услыталъ я, что гостья сдѣлалась очень больна, что съ ней видѣлся дядюшка и что послали за Докторомъ и къ опекуну. Старикъ былъ не въ духѣ, какимъ я его еще не видывалъ: скучнымъ, печальнымъ; отецъ тоже и вообще все въ домѣ суетилось, суматошилось. Забытый всѣ-

ми, я также страдалъ душею за несчастную до того, что зашедши въ уединенное мѣсто, горько плакалъ.

Спустя нѣсколько часовъ послышался подъѣзжающій къ крыльцу экипажъ и въ слѣдъ за тѣмъ доложили о пріѣздѣ опекуна. Мы остались ожидать его въ гостиной. Человѣкъ уже старый, высокій, сухой, съ нависшими на глаза бровями подошелъ къ дядѣ, суровымъ, зловѣщимъ взглядомъ сопровождая тихое наклоненіе скудовласой головы своей; походка, какъ и всѣ движенія его, были спокойны, обдуманны. «Моя безумная племянница, — сказалъ онъ, продолжая

стоять опершись на свою черную трость съ высокимъ золотымъ набалдашникомъ, «обезпокоила васъ своимъ посѣщеніемъ и вѣроятно успѣла насказать вамъ можетъ Богъ вѣсть что небылое. Мужъ ея, чего мы не знали, подверженъ былъ падучей болѣзни. Вчера ночью гдѣ-то въ гостяхъ запоздавши и вѣроятно не въ трезвомъ видѣ, недоѣзжая до дому, получилъ онъ припадокъ, избился весь и изранился. Узнавши о семъ, я съ однимъ изъ людей моихъ поспѣшилъ къ нему на помощь; но мы уже нашли его мертвымъ; и вотъ это семейственное несчастіе привело въ бѣшенство сію своенравную жен-

щину. Гдѣ жъ она сама безпутная, бѣжавшая неистово изъ дому въ ночную пору, за тѣмъ, чтобъ безславить меня. Ведите меня къ ней.» Дядя выслушавъ злодѣя съ сумрачнымъ видомъ и не сказавши ни слова, повелъ его къ больной.

Я не смѣлъ идти за ними, но слѣдилъ ихъ въ отдаленіи. Когда же дядюшка и старый опекунъ приблизились къ постелѣ, то раздался пронзительный вопль ея и несвязныя слова, упрекавшія его въ убійствѣ. Пріѣхавшій Докторъ сказалъ, что больная отъ сильной простуды и внутренняго волненія получила горячку. Опекунъ былъ согласенъ съ его мнѣніемъ,

но не смотря на то, велѣлъ перенести ее въ экипажъ, чтобъ отвести къ себѣ въ домъ. Дядюшка просилъ его обратить вниманіе на положеніе больной, приводя показанія доктора, утверждавшаго, что для нее нужно совершенное успокоеніе и что малѣйшая новая простуда или безпокойство должны имѣть самыя несчастныя послѣдствія; но все осталось тщетнымъ и упорный опекунъ отвергнувъ всѣ доводы, увезъ ее съ собою.....

Много прошло уже лѣтъ и давно нѣтъ стараго пана; все измѣнилось. Въ запустѣломъ жилищѣ его тихо, пусто; безпечный наслѣд-

никъ предоставилъ разрушенію проклятыя поселянами стѣны и дворъ поросшій бурьяномъ.

Исполненный грустныхъ воспоминаній я посѣтилъ развалины и могилу несчастной. — Уже было поздно, когда я возвращался домой. Луна тихо всплыла на темноголубомъ небѣ одинокая, печальная, во всей полнотѣ своего лика, глядя холодно на безмолвную землю. Такъ смотритъ дѣвица-краса, утратившая радость въ тоскѣ о невозвратномъ другѣ, на не милаго ей жениха, окруженнаго докучной толпою. Свѣтъ изливаемый луною, неопредѣлительностію тѣней своихъ давалъ картинамъ, одна другую

смѣнявшимъ, новую прелесть, очаровывая воображеніе образами мечтательными. Когда я подъѣхалъ къ завѣтной долинѣ, поднявшійся отъ сѣверо-востока легкій вѣтерокъ дохнулъ пріятной прохладой надъ землею; вскорѣ за нимъ небо зарябѣло и ясная луна погрузилась въ сребристыя волны облаковъ и снова явилась въ лазури, потомъ опять погрузилась и уже потонула; окрестности изчезли, оставивъ меня одного въ безпредѣльности мрака.

У мѣста сборища вѣдьмъ и домовыхъ мой Альтосъ оступился, я вздрогнулъ: изъ долины показалась блѣдная тѣнь, подобная сѣрому

пару, качаяся въ мракѣ; вѣтеръ вѣялъ, принося съ той стороны протяжные вопли и стенанія; морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ и сердце замерло. — Альтосъ упершися въ землю сталъ какъ окаменѣлый. Напрасно трепалъ я его высокую шею моею дрожащей, не вѣрной рукою, онъ не двигался съ мѣста, между тѣмъ вѣтеръ снова промчался и вопль и стоны раздалися снова съ большею силой. Почти не помня себя, собравъ все присудствіе духа, я напрягся всею силою мышцъ, чтобъ понудить сойтить съ мѣста дрожавшаго всѣмъ тѣломъ Альтоса; наконецъ онъ пошатнулся, зашевелился,

фыркнулъ, заматалъ головою, взвился и ринувшись стремглавъ помчался стрѣлою. — Сзади послышался пронзительный свистъ, вопль и погоня. Ничего болѣе не помня, у воротъ дома палъ я на землю вмѣстѣ съ бездыханнымъ Альтосомъ. Ждавшіе меня люди полумертваго внесли въ спальню. Опомнясь, увидѣлъ я тутъ и добраго Якова, который хлопоча бормоталъ: и то правда сударь, не надо насмѣхаться надъ нечистою силой; я вамъ и прежде объ этомъ докладывалъ, неизволили слушать. — А, Яковъ? Такъ ты думаешь, сказалъ я, что вѣдьмы и лѣшіе испугали меня и загнали Альтоса,

искупившаго можетъ быть мою жизнь своей отчаянной смертію? Но почему знать, что въ этой проклятой долинѣ не кроется хищный звѣрь или разбойникъ. — И то правда, отвѣчалъ Яковъ.

ПРІЯТНОЕ ЗНАКОМСТВО.

Свершилось: цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего!

А. Пушкинъ.

ПРІЯТНОЕ ЗНАКОМСТВО.

Свершилось: цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего!

А. Пушкинъ.

Однажды прекрасное утро вызвало меня въ поле. — Въ задумчивости отъѣхавъ довольно далеко отъ деревни, я очутился у хутора, лежащаго въ сторонѣ отъ нашего города. — Огромные церберы, дремавшіе на солнцѣ у домика, подняли сиповатый лай, показывая совершенную готовность упорно

защищать ввѣренный имъ постъ; но появленіе хозяина изъ растворенной двери утишило ихъ, и они, поласкавшись около него, снова улеглись покойно.

Вышедшій изъ домика человѣкъ былъ средняго роста, пожилой, но еще вовсе недряхлый. Спокойствіе и добродушіе, выражавшіяся въ лицѣ, дѣлали наружность его весьма привлекательною. Его обращеніе непоказывало простаго мѣщанина, что можно было заключить по простотѣ одѣянія его и произношенію; ибо онъ объяснялся нарѣчіемъ болѣе Малороссійскимъ, чѣмъ то, которымъ говоритъ мѣстное дворянство.

« Завидя васъ въ далекѣ, сказалъ онъ, когда вы спускались съ горы, я спѣшилъ осѣдлать мою лошадь, чтобъ ѣхать вамъ на встрѣчу. Вы меня видите въ первый разъ; но я уже знаю васъ. Еслибъ былъ живъ вашъ дядюшка, то вѣрно онъ познакомилъ бы насъ, а можетъ и попросилъ бы васъ полюбить Ивана Семеновича; вѣчная память старику! »—Привязанность ваша къ дядюшкѣ есть уже ручательство въ готовности моей быть доброжелательнымъ и полезнымъ вамъ сосѣдомъ, отвѣчалъ я ему. — « Не то, не то, возразилъ старикъ, взглянувъ на меня выразительно и даже нѣсколько сурово,

и потомъ продолжалъ: я не предлагаю вамъ войти въ мою хату; вы вѣроятно пользуетесь прекраснымъ утромъ? Если такъ, то лошадь моя также готова, и я бы счелъ большимъ удовольствіемъ проводить васъ: мнѣ надо навѣстить больнаго мѣльника по сосѣдству.» —Я принялъ его предложеніе.

Когда мы отправились, новый знакомецъ мой, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, пустивъ по волѣ лошадь свою, и взглянувъ внимательно на городъ, отъ котораго мы удалялись, сказалъ: «какъ хорошо играетъ солнце надъ нашимъ городкомъ; не измѣнились высокія

колокольни и позлащенные кресты его; но многаго уже и не узнаешь, что было у подошвъ ихъ. Все, что вижу вокругъ, и собственная ноша лѣтъ, которая съ каждымъ днемъ становится тяжеле и тяжеле, напоминаютъ мнѣ, что я запоздавшій путникъ. Простите моему простодушію: когда смотря на васъ, три поколѣнія мелькаютъ предомною; вотъ улыбка вашей матушки; это брови, глаза вашего дѣда, и вы знакомы моему сердцу. Какъ мнѣ отрадно видѣть васъ! — Это было давнишнимъ моимъ желаніемъ; но намъ время расстаться. Если случай когда нибудь опять заведетъ васъ къ моей хатѣ, то

неоставьте навѣстить старика; это будетъ большимъ для меня утѣшеніемъ въ уединеніи.» Я не хотѣлъ проститься съ нимъ на такихъ условіяхъ, а упросилъ его въ тотъ же день пріѣхать ко мнѣ. Онъ обѣщалъ, если присутствіе его не будетъ необходимо больному. Мы разстались и я отправился домой.

Солнце перекатилось уже за полдень. — Жаркіе Іюльскіе лучи его преломляясь на зарумяненыхъ, тяжелыхъ вѣтвяхъ яблонь, грушъ, сливъ, вишенъ, едва тревожимыхъ вѣтеркомъ, разливали томительную нѣгу. Я самъ подчинясь общему характеру окружающаго, бродилъ

дремлющими взорами по страницамъ развернутой предо мною книги. Тихой шорохъ пробудилъ меня.— Предо мною стоялъ новый мой знакомецъ.—« Я прервалъ ваше чтеніе, » сказалъ онъ. — Ни мало: я ждалъ васъ, чтобъ вмѣстѣ обѣдать, отвѣчалъ я ему; вы вѣрно не откажете мнѣ въ семъ удовольствіи.

Добродушіе, нѣсколько оригинальный образъ сужденія старика дѣлали сообщество его болѣе и болѣе занимательнымъ. « Люди, говорилъ онъ, часто ропщутъ на судьбу, обвиняя ее въ своихъ несчастіяхъ; но еслибъ они обратились къ началу и безпристрастно повѣрили самихъ себя, то

увѣрились бы, что злополучія наши большею частію проистекаютъ отъ насъ самихъ.

« Суетныя надежды давно оставили меня. — Сердце мое утратило пріязнь дружбы; но оно никогда не испытало ни нѣжности счастливаго супруга, ни радости быть отцемъ. Одна еще природа, въ сельской простотѣ, дѣлаетъ отрадною зиму жизни моей. Въ ея постоянномъ единообразіи память любитъ бродить въ прошедшемъ: — сокровище старика его опытность. Вы хотите знать, что заставило меня оставить свѣтъ, и положило между мною и имъ непреодолимый предѣлъ.

«Въ ту пору, когда человѣкъ перегорѣвъ огнемъ страстей, продолжалъ онъ, начинаетъ чувствовать потребность существа, съ которымъ нераздѣльна мечта счастія, и которое должно указать ему собственное сердце, я искалъ его. Городъ нашъ былъ послѣднимъ средоточіемъ эфемернаго, политическаго существованія Малороссіи. Еще прошедшая безумная вольница проявлялась въ остаткахъ довольства и веселомъ духѣ жителей. Такъ проявляется жизнь въ насильственно умерщвленномъ тѣлѣ. Улицы шумѣли народомъ; богатые паны, занявъ удальства у Поляковъ, пировали въ домахъ

и редутахъ; прекрасныя дочери и жены ихъ, одушевляли сіи сборища. Между ними и мое сердце нашло ту, въ чьихъ скромныхъ взорахъ отражалась прекрасная душа, могущая составить на землѣ счастіе; ибо гдѣ не живетъ нѣжность женщины, тамъ нѣтъ полноты его; но оно не было суждено мнѣ.

« Роскошь и искуство нравиться одной поселившейся въ городѣ нашемъ иноземки приковали толпу къ ея колесницѣ. Ея вольное обращеніе теперь показалось бы мнѣ скорѣй наглымъ, чѣмъ привлекательнымъ. Проницательныя взоры красавицы болѣе изумляли,

нежели нравились. Ея прекрасная грудь волновалась притворною страстью, за тѣмъ только, чтобъ опутывать сѣтями неопытныхъ обожателей. — Воображалъ ли я, что самъ буду самою жалкою изъ нихъ добычею. Я часто видѣлся съ ней, но никогда мысль быть предпочтеннымъ невходила мнѣ въ голову. Разговоръ мой и обращеніе всегда были просты. Я никогда не умѣлъ льстить женскому самолюбію. — Вниманіе, ею мнѣ оказываемое, я приписывалъ желанію отдохнуть отъ окружающихъ ея приторныхъ услужниковъ; но куда завлекло это предпочтеніе! Я не былъ красавцемъ, но вмѣсто сихъ

сѣдинъ помню черные, роскошные кудри, довольно красиво осѣнявшіе наружность, неимѣвшую ничего общаго съ настоящимъ морщинистымъ лицемъ моимъ, и симъ утомленнымъ лѣтами, тяжелымъ тѣломъ. — Я могъ нравиться. — Иногда дерзкіе взоры прелестницы, бродя между толпою, останавливались на мнѣ долѣе обыкновеннаго, казалось они даже блистали тогда свѣтомъ ярчайшимъ. Минутная прихоть, безотчетное желаніе, столь самовластныя въ женщинѣ, показались мнѣ страстью, мною внушенною, и я, ослѣпленный самолюбіемъ, сдѣлался мужемъ Розы, прежде, чемъ успѣлъ отдать

себѣ отчетъ въ совершаемомъ мною. Не долго длилось очарованіе. — Любовь основанная на чувственности безъ участія дружбы, скоро проходитъ и подобно потѣшному огню, проблестѣвшему въ темнотѣ ночи, оставляетъ послѣ себя одну пустоту. — Миновалось нѣсколько мѣсяцовъ. Въ обращеніи Розы оказалась холодность, неудовольствія, частая досада, — несомнѣнные предтечи несогласій семейственныхъ. Не имѣя въ характерѣ ничего, составляющаго истинную прелесть женщины, она даже и притворствомъ не старалась прикрывать свое равнодушіе. Жажда къ разсѣянности и удо-

вольствіямъ была единственнымъ основаніемъ всѣхъ ея поступковъ. Ослѣпленный блескомъ ея украшеній, я долго не рѣшался спросить о средствахъ къ удовлетворенію безпрерывно возраставшихъ расходовъ и надеждъ ея въ будущемъ. Между тѣмъ мои средства истощались; имѣніе приходило въ разстройство, и я страшась возможности дойтить до совершеннаго разоренія, все не рѣшался потребовать отъ Розы перемѣны образа жизни ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характера, становившагося съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе нестерпимымъ; ибо не смотря на увеличивавшуюся ея въ отношеніи ко мнѣ холодность,

съ нѣкотораго времени замѣтна была значительная перемѣна въ ея со мною обращеніи. Она часто задумывалась; иногда же какъ бы хотѣла быть ласковою; то вдругъ дѣлалась капризною, вспыльчивою, даже привязчивою до несносности.

« Въ одинъ вечеръ Роза, противъ своего обыкновенія, оставалась дома. — Рѣшившись высказать ей все, что у меня было на сердцѣ, я отправился къ ней. Когда я вошелъ, она сидѣла задумавшись; развернутое письмо было въ рукахъ ея. Увидя меня, Роза смѣшалась и бѣгло взглянувъ, ушла въ другую комнату, прежде чѣмъ я успѣлъ что либо сказать ей. — Я хотѣлъ видѣть

письмо. — Роза отговаривалась подъ разными пустыми предлогами, непоказывая впрочемъ ни малѣйшаго расположенія исполнить мое требованіе. Я сердился, представлялъ ей права мои, выходилъ изъ себя, и не смотря на вся это, она осталась непреклонною, и рѣшительно объявила, что имѣя дѣла, собственно до нея относящіяся, не желаетъ мнѣ ихъ повѣрить. Готовый дойти до изступленія, и удерживая порывы бѣшенства, я оставилъ ее осыпавъ упреками.

« Мы невидались нѣсколько дней съ Розою. — Между тѣмъ городъ занимало новое явившееся въ немъ

лице, повидимому весьма желавшее остаться неизвѣстнымъ; но любопытные успѣли видѣть его, даже узнали, что это былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, имѣющій важный чинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма богатый....

«Въ одно утро я проснулся очень поздно, между тѣмъ какъ въ домѣ все еще царствовала глубокая тишина. Мнѣ казалось, что ночью я слышалъ какой-то странный шумъ. Вспомнивъ объ этомъ, и желая скорѣе знать причину, я кликнулъ человѣка; но отвѣта не было. Напрасно продолжалъ я звать: никто не являлся. Сердце вѣщунъ. Оно такъ сильно сжалось въ груди

моей, и боязнь, которой причину я не могъ опредѣлить, такъ сильно овладѣла мною, что я долго не рѣшался оставить постель, и войти въ комнату Розы; когда же переступилъ порогъ, то нашелъ въ ней, какъ и во всемъ домѣ, мебели въ безпорядкѣ, не значительныя вещи валяющимися по полу; вообще все показывало недавно оставленное жилище. — Я бродилъ по дому, какъ бродитъ безумный среди опустошенія, имъ самимъ произведеннаго.— Картина несчастія моего во всей полнотѣ развернулась предо мною. Гдѣ было для меня утѣшеніе?— Безъ родныхъ, безъ друзей, чего оставалось ожи-

дать мнѣ отъ знавшихъ меня?— докучнаго состраданія, холоднаго участія, даже опасенія сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ. Я имѣлъ еще средство выйти изъ такого непріятнаго и тягостнаго положенія.

« Сердце мое сильно было возмущено невзгодами жизни. Разлюбивъ свѣтъ, оно желало спокойствія, и я удалился въ уединеніе.— Небольшой хуторъ, съ его мирными полями, садомъ, принялъ меня въ укромный пріютъ свой. Я нашелъ подъ кровомъ его не только довольство собственное, но даже возможность быть благотворительнымъ. Медицина сдѣла-

лась пріятнѣйшимъ моимъ занятіемъ. За то окрестные поселяне любятъ меня, и я утѣшаюсь, что могила моя по смерти не скоро заглохнетъ бурьяномъ. Подъ скромную сѣнь моей хаты заглянула и дружба: превосходному сердцу и образованному уму вашего дядюшки одолженъ я сладчайшими днями моей жизни.

« И такъ смѣю ли я роптать на провидѣніе въ томъ, что лѣто жизни моей обуреваемо было злополучіями? — Не я ли самъ причиною моихъ несчастій? — Я былъ ослѣпленъ гордостью, самолюбіемъ. » — Старикъ призадумался. — « Сіи не многіе слова, присовокупилъ онъ,

разбудили въ душѣ моей годы печалей и цѣлую жизнь раскаянія.»— Онъ замолкъ. — Нѣсколько крупныхъ слезъ выкатились изъ глазъ его. — Мы разстались.

Живучи въ деревнѣ, я часто видѣлся съ Иваномъ Семеновичемъ. Бесѣда его доставляла мнѣ всегда большое удовольствіе. На дняхъ я получилъ письмо: меня увѣдомляютъ, что сей почтенный старикъ переселился туда, гдѣ уже нѣтъ ни печалей ни радостей, и гдѣ судьба не имѣетъ власти. Память о добромъ долго будетъ жить въ сердцахъ его знавшихъ.

ЕМИГРАНТЪ.

О немъ, съ утра до поздней ночи,
Тоскуетъ сердце, плачутъ очи.

И. Козловъ.

ЕМИГРАНТЪ.

О немъ, съ утра до поздней ночи,
Тоскуетъ сердце, плачутъ очи.

И. Козловъ.

Филипъ въ Петербургѣ. И вотъ съ огромнымъ коробомъ надеждъ и мечтаній, съ нетолстымъ кошелькомъ, съ нѣсколькими парами модныхъ Московскихъ платьевъ и съ слугою Петромъ расположился онъ въ одномъ изъ нумеровъ третьяго этажа Демонтова трактира. Разломанный дальной дорогой, вытянувъ ноги во всю длину ихъ, онъ

сидитъ и смотритъ въ окошко, облокотясь на руку. Предъ нимъ несвѣтлая Мойка[5]; тамъ рядъ домовъ; въ сторонѣ мостъ, по которому спѣшатъ, встрѣчаются, обгоняютъ другъ друга экипажи; торопятся, толкаются пѣшеходы; визжатъ форрейторы, разнощики, кричатъ кучера. Разсѣянно смотря на все это, погруженный въ думу, онъ сидѣлъ такимъ образомъ, пока ему подали чай; и покамѣстъ вспыхнувшій подъ его окошками фонарь неозарилъ запачканной рожи сѣраго фонарщика въ рогожной мантіи [6].

Кому неслучалось оставлять роднаго крова, и пріѣхать на чуж-

бину, тому скажу я, что чувство испытанное Филипомъ было смѣсь скуки, досады, одиночества, и вообще всего того, что заставляетъ грустить или углубляться въ размышленія. И я совѣтую прибѣгнуть къ послѣднему, какъ лучшему средству отъ сей болѣзни души, имѣющей, какъ говорятъ, между швейцарцами частыя несчастныя послѣдствія; но Филипъ не Швейцарецъ, а потому болѣзнь сія для него небыла опасною, такъ что когда рядъ дней увелъ за собою нѣсколько недѣль, и потомъ мѣсяцъ и другой, то она уже и вовсе миновалась; а онъ какъ самый давній старожилъ уже равнодушно

гулялъ по Невскому проспекту, заходилъ завтракать въ кандитерскія, пересматривалъ газеты, пробѣгалъ журналы, разсуждалъ о политикѣ, и даже подумалъ наконецъ о главной цѣли переселенія своего въ Петербургъ, то есть о службѣ.

Впечатлѣніе, полученное мною при первомъ посѣщеніи пріемной вельможи, въ ролѣ просителя, осталось во мнѣ неизгладимымъ. Мнѣ памятно время, когда съ душею, еще не омраченною суровымъ опытомъ, я очутился въ семъ преддверіи честей, съ сильнымъ біеніемъ сердца, поминутно ожидая появленія того, который долженъ былъ рѣшить мое вступленіе въ

жизнь гражданскую. Для меня были новы и необыкновенны холодное выраженіе физіономій другихъ просителей меня окружавшихъ, досада и скука, написанныя на лицахъ ихъ. Когдажъ пять часовъ безпокойнаго ожиданія прошли, и вышедшій изъ внутреннихъ комнатъ чиновникъ съ измятою наружностію, съ перпендикулярно висящими къ полу руками, вѣрно означавшими значительный уголъ удаленія его отъ приличнаго званію человѣка положенія, объявилъ, что въ тотъ день мы неможемъ быть приняты, и когда не однократно повторенныя такого рода посѣщенія обьяснили мнѣ зѣвоту и неудоволь-

ствія выражавшіяся въ лицахъ прежнихъ моихъ сотоварищей-просителей, тогда и я взявъ урокъ въ терпѣніи, добродѣтели по превосходству принадлежащей верблюдамъ, уже самъ включился въ хоръ зѣвающихъ и досадующихъ.

Почти тоже было и съ Филиппомъ; но какъ бы то ни было, онъ уже переѣхалъ отъ Демонта; Петръ пересталъ ворчать на недѣльные счеты аккуратной конторы, и Филиппъ поступилъ на службу. — За тѣмъ непримѣтно протекли дни, недѣли, мѣсяцы, даже годъ и другой. — Филиппъ любилъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ; онъ часто подводилъ итогъ подъ расходъ

своего времени, а потому, озирая свое поприще, и находя его грязнымъ путемъ избитымъ чернью, съ стѣсненнымъ сердцемъ отказался отъ златыхъ сновъ честолюбія. — Такъ гордый конь, питомецъ степи, готовый въ быстротѣ спорить съ вѣтромъ и презирая смерть, широкою грудью встрѣтить опасность, скорѣй издыхаетъ изнеможенный чѣмъ подчиняется уздѣ впрягающей его въ безславную соху земледѣльца.

Деревенскіе жители, не такъ какъ горожане, твердо помнятъ своихъ знакомыхъ, пріятелей. У нихъ познакомиться значитъ пріобрѣсть право на вашу пріязнь, на самое

дружество; или же встрѣтить въ васъ гордеца, тотчасъ готовые васъ ненавидѣть, даже содѣлаться врагами. — У этихъ добрыхъ людей въ семъ случаѣ нѣтъ средины.

Руководясь такимъ чувствомъ, мать Филипа, давая ему послѣднее родительское благословеніе, нѣсколько разъ повторяла, что бы онъ по пріѣздѣ въ Петербургъ непремѣнно съѣздилъ къ Графинѣ Аннѣ Петровнѣ, пріятельницѣ ея молодости, когда Анна Петровна не была еще ни знатною, ни богатою, ни сіятельною. — Филипъ неторопился исполнить сіе последнее приказаніе матери, узнавъ, что домъ Графини одинъ изъ

знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ столицѣ. Но неоднократно повторенныя письменныя напоминанія заставили его ѣхать туда, гдѣ онъ ожидалъ равнодушнаго, даже холоднаго пріема.

Нанятая Петромъ ямская карета уже у подъѣзда, и Филипъ въ жестокомъ нерасположеніи духа чрезъ нѣсколько минутъ очутился въ гостинной, великолѣпно убранной во вкусѣ вѣка Екатерины II, которой портретъ во весь ростъ, превосходной работы, украшалъ главную стѣну. Подлѣ софы въ большихъ креслахъ сидѣла женщина преклонныхъ лѣтъ. — Тихая, нѣсколько обдуманная улыбка оживила

пріятное, выразительное лице ея, когда подошелъ къ ней Филипъ. — Ласковый, простой разговоръ ея во все не согласовался съ важною наружностію. Правильныя черты лица, большіе, томные глаза Графини, отражавшіе добродушіе, принимали видъ болѣзненный, печальный, когда она переставала говорить и нѣсколько задумывалась. Въ сторонѣ, за каминомъ, подъ навѣсомъ огромныхъ чепцовъ, выказывались двѣ фигуры, занятыя рукодѣліемъ, также безмолвныя и недвижныя, какъ и мраморные истуканы ихъ осѣнявшія.

Графиня продолжала съ участіемъ разговаривать съ Филипомъ о его

матери, о немъ самомъ, когда шарканье шаговъ обратило ея вниманіе на вошедшаго.—Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ, въ зеленыхъ очкахъ, съ палевымъ лицемъ. Онъ поцѣловалъ руку Графини, и ломая свои нескладные члены исковерканными движеніями, началъ говорить въ носъ, на распѣвъ, съ видомъ самоувѣренности, осаживая повременно назадъ свою голову въ высокій воротникъ моднаго фрака.

Покойный мужъ Графини наслѣдовалъ послѣ брата несмѣтное богатство, блескъ имени знаменитаго — дары, которые часто переходя къ потомкамъ, рожденнымъ

безъ достоинствъ высокихъ, способствовавшихъ къ пріобрѣтенію оныхъ, бременятъ своею полнотою. Доброта Графа, при всей ограниченности его умственныхъ способностей, руководимая благоразуміемъ жены, гостепріимство, радушный пріемъ, удержали привычную толпу посѣтителей дома, не утратившаго прежней роскоши, какъ бы за тѣмъ, чтобъ они были свидѣтелями постепеннаго упадка фамиліи, пользовавшейся уваженіемъ и огромною властью въ Государствѣ.

Безпутное поведеніе сына, неудачное замужство дочерей и другія семейственныя несчастія давно

изгнали радость изъ сердца доброй Графини. Въ разсѣянности и благотворительности еще находя нѣкоторое забвеніе своихъ печалей, она продолжала жить въ свѣтѣ съ прежней пышностію.

Вліяніе ли климата, сухое ли сложеніе при меланхолическомъ темпераментѣ, или же досада и терзанія, въ тайнѣ снѣдавшія сердце отъ непріязненныхъ неудачь, что бы нибыло причиной, но Филиппъ со всякимъ днемъ увядалъ; взоры его становились тусклыми; лице, цвѣтшее здоровьемъ, блѣднымъ. — Пользуясь благорасположеніемъ Графини, онъ продолжалъ посѣщать домъ ея. — Всегда вни-

мательная ко всему, ее окружающему, добрая старуха съ участіемъ замѣтила сію перемѣну и наконецъ узнавъ, что доктора совѣтуютъ Филиппу попользоваться наступавшимъ весеннимъ временемъ, даже предложила жить на ея прекрасной дачѣ, соединявшей всѣ выгоды города и сельской жизни. Ея огромный садъ, расположенный на возвышеніи, граничилъ съ фермою и потомъ деревнею, въ которой лѣтомъ проживали небогатыя семейства.

Предавшись совершенно своимъ любимымъ занятіямъ, книгамъ, прогулкамъ, и забывъ на время

заботы, Филиппъ дѣйствительно ожилъ новою жизнію.

Что можетъ быть завиднѣе участи могущихъ благотворить?— Это часть наслажденія, уступленнаго божествомъ человѣку.—Какое удовольствіе равно ощущенію, испытываемому отъ утѣшенной горести, прерванныхъ слезъ отчаянія, искреннаго изліянія благодарности. Прасковья Федоровна сама бы согласилась съ этимъ, еслибъ ей то объяснили; но она, находясь при Графинѣ компаніонкою, и пользуясь болѣе другихъ ея довѣренностію, а при томъ часто скучая, просидѣвъ въ молчаніи въ гостиной нѣсколько битыхъ часовъ сряду,

взяла подъ надзоръ свой сироту, и разумѣется сдѣлала чрезъ то доброе дѣло.

Сего рода добрыя дѣла всегда пользуются общею признательностію, и служатъ какъ бы лучшею выставкою чувствительности, ихъ оказывающихъ. Но не дай Богъ разбирать таковыя благотворенія: это часто школа терпѣнія, нить мученій, тягостныхъ укоризнъ и вообще всего, что можетъ излиться отъ капризовъ и своевольства женщины на безотвѣтное существо, имѣющее обязанностію быть не отлучнымъ и подчиненнымъ прихотямъ всего окружающаго.

Даша вступила въ семнадцатую весну жизни; ея томные голубые глаза, неопредѣлительныя черты лица, уста казавшіеся обреченными молчанію, бѣлокурые волосы, высокій станъ съ нѣсколько поднятыми вверьхъ плечами, тихая поступь, небрежность движеній, представляли одно изъ тѣхъ существъ, при воззрѣніи на которыя, меланхолія закрадывается въ душу, и чувство самоотверженія гонитъ мечты возможности счастія внѣ неба.

Въ часы такъ называемаго досуга Прасковьи Федоровны, то есть когда она изъ гостинной Графини перемѣщалась уже зѣвать

на свободѣ у себя въ комнатахъ, Филиппъ заходилъ иногда къ ней. Сначала при посѣщеніяхъ сихъ присудствіе Даши не казалось лишнимъ, потомъ сдѣлалось обыкновеннымъ и наконецъ непремѣннымъ. Всегда находя болѣе удовольствія въ сообществѣ воспитанницы, чѣмъ покровительницы, Филиппъ обращался съ Дашею, какъ съ интересненькой блондинкой, имѣющей хорошенькіе глазки и милой характеръ. — Ее непринужденное обращеніе, откровенность, даже нѣкоторая наружная холодность, повидимому, удалили всякую идею страсти, поселяя только между ими родъ дружества.

Не завидно предопредѣленіе женщины, и если правда, какъ увѣряетъ Байронъ, что могущественнѣйшая Царица помѣнялась бы своею участью даже съ школьникомъ, то какъ же мы счастливѣе ихъ; ибо какія сокровища можно взять, чтобъ возвратиться снова подъ ферулу наставниковъ, со всею нашею признательностію за ихъ попеченія.

Любовь единственное назначеніе женщины; неизвѣстность, самозабвеніе основы ихъ добродѣтелей. Горе непонявшей своихъ обязанностей и безотчетно бросившейся въ вихрь разсѣянности! Скоропроходящій цвѣтъ красоты поблекнетъ, отлетитъ рой

сновъ ложныхъ наслажденій и тогда раскаяніе, скука, во всей полнотѣ, займутъ сердце, могшее составить счастіе семейства, что есть цѣль и совершенство женщины.

Жаркій Іюльскій день склонялся къ вечеру. — Далекій шумъ Петербурга, разносясь по рѣкѣ, сливался потомъ въ глухой гулъ, подобный протяжному стону, выходящему изъ бездны. Тишина улегалась въ роскошной зелени деревьевъ, коихъ вершины золотились еще багровыми лучами заходящаго солнца. — Вечеръ былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ, такъ рѣдко даруемыхъ Петербургу суро-

вымъ его небомъ. Въ сторонѣ въ самомъ уединенномъ мѣстѣ сада, подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ, Филиппъ имѣлъ привычный пріютъ свой. — Погруженный въ чтеніе, онъ едва замѣтилъ мелькнувшее предъ нимъ воздушное покрывало, и прежде чѣмъ успѣлъ обратить на него вниманіе, вѣтви липы скрыли отъ глазъ прекрасной станъ незнакомки.

Если правильныя черты лица, отражающія умъ и глубокую чувствительность, составляютъ прекрасную наружность, и если такая наружность является въ самомъ привлекательномъ видѣ, при ея задумчивости, то должно про-

стить незнакомкѣ, смотрѣвшей на Филиппа далѣе, чѣмъ смотрять обыкновенно хорошенькіе женскіе глазки на красиваго молодаго человѣка.

Прошло нѣсколько мгновеній, вдругъ раздался крикъ. — Филиппъ готовъ уже былъ бѣжать къ мѣсту отъ куда оный происходилъ, какъ въ туже минуту блѣдная, трепещущая женщина бросилась къ нему на встрѣчу, а въ отдаленіи за нею показалась огромная собака, которой блуждающіе глаза, пѣна у рта, ощетинившаяся шерсть показывали бѣшенство. —

Филиппъ въ замѣшательствѣ принялъ обезпамятовавшую незнакомку, почти въ свои объятія и въ такомъ положеніи отнесъ ее въ сторону отъ предмета ея испуга.

Прекрасные длинные рѣсницы, закрывавшіе глаза красавицы, блѣдность, едва замѣтное волненіе роскошной груди ея, которой бѣлизна казалась еще разительнѣйшею отъ облекавшаго ее чернаго платья; нечаянность, собственный испугъ — все сіе такъ смутило Филиппа, что онъ не зналъ, что начать дѣлать. — Наконецъ замѣшательство его если не уменьшилось, то по крайней мѣрѣ при-

няло другое направленіе. Глаза красавицы полуразкрылись, грудь высоко заколебалась и блѣдный румянецъ освѣтилъ прекрасныя черты лица ея. Даже показалось, что она улыбнулась, и въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣсколько времяни, незнакомка пришедши въ себя, благодарила своего избавителя, извинясь въ нанесенномъ ему безпокойствѣ.

Проводивши потомъ ее и по приглашенію — вошедши къ ней въ домъ, онъ былъ представленъ семейству, которое впрочемъ заключалось въ одной только матери, коей непріятная наружность составляла самый отвратитель-

ный предметъ, изъ всего окружающаго; ибо не большой лѣтній домикъ ихъ былъ убранъ не только съ большимъ вкусомъ, но съ изысканностью, и даже роскошью.

Послѣ составленнаго такимъ образомъ знакомства, пользуясь правомъ избавителя, Филиппъ чаще и чаще сталъ навѣщать Емилію, дочь умершаго негоціянта, какъ говорила она сама. — Вечерніе часы, прежде проводимые въ сообществѣ Даши, уже были посвящены Емиліи. — Ея живой разговоръ, движенія исполненныя нѣги, уста дышущія страстью, все приковывало Филиппа, и изъ часовъ про-

водимыхъ у черноокой красавицы дѣлало мгновенія наслажденій.

Несчастная Даша оставленная, забытая, сидитъ между тѣмъ у окошка за работой или чтеніемъ, часто обращая смутный взоръ на знакомую ей дорожку, по коей приходилъ къ нимъ Филиппъ, но она тщетно ждетъ его. — Бѣдная! за чѣмъ дано ей чувствительное сердце? За чѣмъ наступила для нея пора любви? Развѣ весна ея для того только и прекрасна, чтобъ омрачиться грозою страсти, которая разразясь должна убить цвѣтъ жизни ея еще невполнѣ развернувшійся. Что сдѣлалось съ ней, куда дѣвались ея безпечность, спо-

койствіе? — Въ минуту тихой задумчивости, при сумеркахъ вечера, въ тишинѣ утра, какое упоительное томленіе волнуетъ грудь ея? — Сладостная мечта туманитъ взглядъ, поселяя во все окружающее пустоту и безотрадность.

Послѣ долгой разлуки наконецъ предсталъ тотъ, къ кому втайнѣ стремились вздохи стѣсненной груди ея, тотъ, котораго образъ на яву и въ сновидѣніи сливался съ мечтою ея счастія. — Филиппъ предъ нею; ея сердце замираетъ чувствомъ тягостнымъ, нестерпимымъ; она стремится къ нему, но нѣтъ силы могущей заставить ее высказать упрекъ тому, кото-

раго присутствіе тягостно и между тѣмъ она отдала бы все, чтобъ продлить оное. — И вотъ то чувство, которое на землѣ свидѣтельствуетъ о наслажденіяхъ Едема.

На единѣ очарованный Филиппъ таялъ страстью подлѣ Емиліи. — Смущеніе, безнадежность влюбленнаго, мертвили въ устахъ его рѣчи, готовыя нѣсколько разъ въ восторженныхъ выраженіяхъ обнаружить пламенную страсть его къ той, вѣчное обладаніе которою почиталъ онъ счастіемъ безпредѣльнымъ. — Между тѣмъ какъ она торжествуя побѣду, полная нѣги, пламенѣла прихотью желаній, по-

тупивъ въ землю живые огненные взгляды, ожидала только признанія въ томъ чувствѣ, которое давно прочла во взорахъ неопытнаго. — Вдругъ раздался стукъ екипажа; ступеньки кареты хлопнули, и испуганная Емилія подбѣжала къ окошку, и въ тоже мгновеніе бросилась къ Филиппу, заклиная его удалиться. — Изумленный онъ напрасно медлилъ; она повторила сказанное съ видомъ гнѣва. Филиппъ оставляя комнату увидѣлъ въ дальнихъ дверяхъ знакомца своего въ зеленыхъ очкахъ, съ палевымъ лицемъ. При воззрѣніи на сего человѣка, заключающаго въ себѣ всѣ крайности

пороковъ, повязка упала съ глазъ Филиппа; дрожь пробѣжала по жиламъ его, и онъ проклиная женское вѣроломство увидѣлъ предъ собою бездну, къ которой увлеченъ былъ безумною страстью.

Сильныя ощущенія остаются въ насъ неизгладимыми; время ослабляетъ ихъ, но не въ силахъ уничтожить; они глубокими чертами ложатся на сердцѣ, отбрасывая яркія тѣни на характеръ. — Воспоминаніе обманутаго чувства, всегда тягостно, ненавистно.

Въ день отъѣзда Филиппа въ предпринятое имъ дальное путешествіе, такъ давно желанное, мы были неразлучно вмѣстѣ. — Сѣ-

рые облака, огромными массами облегшіе небо, медленно развертываясь одно за другимъ, и потомъ снова сливаясь, гранились кое гдѣ сизыми безпредѣльными бороздами. — Осиротѣвшій долъ казался какъ бы унылымъ объ утратѣ солнца пропавшаго въ океанѣ неба, тихо текущаго нечистыми громадами мутныхъ валовъ.

Пасмурный день похитивъ у вечера сумерки, дѣлалъ незамѣтнымъ приближеніе ночи, какъ наша задумчивая бесѣда внезапно прервана была неожиданнымъ явленіемъ:

Старецъ дряхлый, высокаго роста, сухой, изнеможенный, сту-

пая медленно, вошелъ въ комнату; убѣленные зимою лѣтъ остатки волосъ на головѣ его, скудно опушали высокое, морщинистое чело, тяготившее наружность, которой правильныя черты невполнѣ еще разрушенныя годами, выражали суровость, хладнокровіе; большіе свѣтлые глаза его свидѣтельствовали, что сія руина человѣка хранитъ еще теплоту жизни. Остановивъ на подошедшемъ къ нему Филиппѣ выразительный взглядъ свой и нѣсколько призадумавшись онъ сказалъ. « Развратъ и своевольство со всѣми ихъ ужасами обуревающіе мое отечество, изгнали меня подъ ва-

ше негостепріимное небо. — Утративъ все, что можетъ на землѣ составить счастіе, я имѣлъ отраду въ нѣжности единственной дочери. — Еслибъ истлѣвшее отъ печалей сердце мое могло оживиться еще прежнимъ огнемъ, то я нашелъ бы тебя обуянный ненавистью и желаніемъ мести: ибо та, которая розочаровывала для меня землю дочь моя, послѣдняя отрасль предковъ знаменитыхъ, изныла страстью внушенною тобою молодой человѣкъ. — Ты былъ любимъ сердцемъ достойнымъ любви ангеловъ, но не хотѣлъ оцѣнить его. Съ ея смертію для меня нѣтъ болѣе брега, куда бы я

утлый обломокъ, носимый по океану жизни, могъ прильнуть еще. — Да не тяготитъ главы твоей проклятіе старца. — Не много дней сочту я. — Моя горесть соединяетъ меня съ тобою. Увлеченный ею, я желалъ видѣть тебя. Такъ нѣжная супруга, хранитъ окровавленный кинжалъ убійцы, сдѣлавшій ее вдовою, обращаясь къ нему въ томленіяхъ тоски своей какъ къ единственному участнику. — Съ сими словами опустивъ голову къ груди, съ видомъ отчаянія, старикъ оставилъ насъ изумленныхъ.

СИЗЫЕ ОЧКИ.

Всюду встрѣчи безотрадные:
Ищешь суетный людей,
А встрѣчаешь трупы хладные,
Иль безсмысленныхъ дѣтей.

Р.

СИЗЫЕ ОЧКИ.

Всюду встрѣчи безотрадные:
Ищешь суетный людей,
А встрѣчаешь трупы хладные,
Иль безсмысленныхъ дѣтей.

Р.

Въ расположеніи духа, извѣстномъ въ кругу людей обыкновенныхъ подъ именемъ скуки, поэтами называемомъ меланхоліей, а пресыщенными сплиномъ, лежалъ я надиванѣ безъ мыслей и желаній опредѣленныхъ, между тѣмъ какъ пепельный стебель свѣчи, высоко высунув-

шійся изъ тусклаго окружавшаго его огня повременно воспламеняясь, казался какъ бы озирающимъ дремлющіе окрестные предметы.

Зазвенѣлъ колокольчикъ, и вошелъ одинъ изъ близкихъ моихъ знакомыхъ. Люди засуетились; туалетъ освѣтился, и я въ полчаса былъ одѣтъ. — Мы вмѣстѣ поѣхали на вечеръ въ одинъ богатый и даже знатный домъ.

Закравшаяся ли въ сердцѣ изъ толпы призраковъ мечта, вызванная меланхоліей, или просто досада произшедшая отъ встревоженнаго лѣниваго моего положенія, что бы нибыло, но я чувствовалъ

себя совершенно нерасположеннымъ къ ощущеніямъ пріятнымъ.

Яркое освѣщеніе дома, суматоха у подъѣзда увѣдомили меня наконецъ, когда я вышелъ изъ экипажа, что чрезъ минуту буду въ толпѣ, имѣющей право требовать отъ меня если не веселаго выраженія физіогноміи, то по крайней мѣрѣ не образа олицетворенной скуки.

Звуки стройнаго оркестра, пестрота, шумъ, при яркомъ освѣщеніи не прояснили моего воображенія и демонъ досады, завладѣвъ моею особою, ни какъ не хотѣлъ оставить избраннаго имъ пріюта.

Напротивъ, вооруживъ глаза мои тусклыми очками злословія онъ

управлялъ помыслами, заставляя взоры бродить между рядами сборища.

Мы раскланились съ игравшимъ въ вистъ сановитымъ нашимъ хозяиномъ. — Роскошь и изысканность въ украшеніяхъ игравшей тутъ же дамы, нѣсколько уже пожилыхъ лѣтъ, которой довольно еще стройный станъ, остатки пріятности въ лицѣ, искаженные впрочемъ кокетствомъ, свидѣтельствовали о привычкѣ ея привлекать и нравиться. — Увидѣвъ, какъ она мѣнялась взглядами съ проходящимъ мимо молодымъ человѣкомъ, и въ тоже время жала руку сидѣвшему подлѣ сѣдинькому азонису,

я готовъ былъ уже обратить все вниманіе мое на дурачившуюся старость и пуститься въ наблюденія, но толчекъ полученный въ правой бокъ увѣдомилъ меня о непріятномъ сосѣдствѣ. — Оборотясь съ чувствомъ, раздѣленнымъ между болью отъ толчка и досадою на неловкость неуча, я увидѣлъ предъ собою не складную фигуру, неискусно затянутую въ шитый золотомъ воротникъ и красные лацкана, съ неловкими ужимками, продолжавшую на довольно дурномъ Французскомъ языкѣ расточать комплименты ангажированной имъ дамѣ, въ которой къ большему моему удивленію узналъ

я одну изъ оперныхъ актрисъ. — Пролепетавши нескладныя извиненія, франтъ скрылся. Подошедшій знакомый мой увѣдомилъ меня, что это былъ сынъ попавшей подъ наблюдательныя очки мои дамы, недавно произведенный въ Офицеры. — Пожелавъ ему скорѣйшаго производства въ званіе человѣка, я хотѣлъ перемѣнить мою позицію, но хозяинъ окончившій партію виста, вѣроятно предполагая во мнѣ большаго политическаго эконома и сельскаго хозяина, подошелъ и началъ говорить о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ, улучшеніяхъ по имѣнію, торговыхъ спекуляціяхъ, прожектахъ. — Дивясь дѣятельно-

сти ума его и готовый принести должную дань уваженія достоинству, я машинально поправивъ очки свои въ намѣреніи высказать длинную фразу, но блескъ сизыхъ стеколъ ихъ вдругъ прояснилъ мою память и я вспомнилъ, что не далѣе какъ на канунѣ читалъ въ газетахъ объявленіе о продажѣ съ публичнаго торга одной изъ богатѣйшихъ его отчинъ за долги, въ которые какъ послѣ сказали мнѣ, успѣлъ онъ войти непонятнымъ образомъ, при образѣ жизни, который былъ даже не роскошенъ соразмѣрно съ огромнымъ его состояніемъ.

Вотъ сынъ мой Александръ, сказалъ онъ наконецъ, подходя къ групѣ разговаривавшихъ. — Молодой человѣкъ съ наружностію общею тысячамъ, съ выраженіемъ самоувѣренности былъ прерванъ нами, но бѣгло обмѣнявшись привѣтствіями, продолжалъ разказъ, желая блистать остроуміемъ. Онъ составлялъ неудачные каламбуры, говорилъ плоскости. — Окружавшіе его, заранѣе увѣренные въ изяществѣ всего того, что бы онъ нисказалъ, обнаруживали удовольствіе громкимъ смѣхомъ. — То были, какъ послѣ узналъ я, люди близкіе ему отъ линій побочныхъ, стороннихъ. — Между ними

увидѣлъ я и стариннаго моего знакомца, изъ подъ знаменъ Марса перешедшаго къ вѣсамъ мирной Фемиды, котораго добродушіе и простота были всегда ручательствомъ, что изъ него со временемъ образуется довольно порядочный мужъ, въ качествѣ коего и дѣйствительно включился онъ въ родство сего дома. Мы рады были увидѣться.— Хозяинъ почелъ за нужное увѣдомить меня, что Фома Петровичь весьма добрый малой, и что онъ искренно любитъ его. « Вы малымъ довольны, » возразилъ сынъ, и вся группа пришла въ восторгъ отъ удачнаго каламбура.

Недовольный всѣмъ мною встрѣченнымъ, я думалъ въ залѣ танцующихъ, между безпечною, веселящеюся молодостію, разсѣять родъ сплина, меня тяготившаго. — Вхожу; въ толпѣ мужчинъ казались едва замѣтными нѣсколько дамъ. Танцовавшая при моемъ вступленіи съ стройнымъ молодымъ человѣкомъ, едва таскала ноги, отвратительно ломаясь, при совершенномъ неумѣніи танцовать. Послѣдовавшія за нею, во всей силѣ слова, принадлежали къ одному съ ней кадрилю.

Въ какомъ мы маскерадѣ! — спросилъ я наконецъ попавшагося мнѣ на встрѣчу пріятеля, пріѣхав-

шаго вмѣстѣ со мною. —Онъ началъ было обьяснять мнѣ, что дама замѣченная мною за вистомъ, поселясь въ семъ домѣ, управляетъ по своей прихоти хозяиномъ, что съ большимъ ея семействомъ, при совершенной неопредѣлительности онаго генвалогіи, и при живомъ мужѣ, который оставленъ ею уже около пятнадцати лѣтъ, она любитъ удовольствія и виновница всѣхъ затѣй и раззоренія хозяина, что будучи въ невозможности принимать дамъ лучшаго общества, она набираетъ какихъ только можетъ и прочее, и прочее.

Между тѣмъ какъ онъ говорилъ, сизые очки мои болѣе и болѣе

тускнѣли. — Вдругъ подошла прекрасная собою, свѣтлорусая дѣвушка, и выбрала меня вальсировать съ нею. — Въ нерѣшимости отказаться или итти, я хотѣлъ оправить очки; но вмѣсто ихъ схватилъ носъ свой. —

Возвратясь, послѣ нѣсколькихъ туровъ, на прежнее мѣсто, я сталъ любоваться совершенствомъ формъ красавицы; когда жъ товарищъ мой, занявшійся снова обьясненіемъ хроникъ дома, увѣдомилъ меня, что танцовавшая со мною была дочь извѣстной мнѣ дамы, и что мать на красотѣ ея основываетъ огромныя замыслы, то отъ сильнаго желанія потверже укрѣпить сизые очки

мои, жестоко оцарапавъ себѣ носъ, я раздосадованный возвратился домой.

ВСТРѢЧА

СЪ ВОДЯНЫМЪ.

СКАЗКА.

ВСТРѢЧА

СЪ ВОДЯНЫМЪ.

СКАЗКА.

Въ осенній вечеръ, когда сумерки, затѣмняя далекія окрестности, медленно низводили прохладную ночь на увлаженную росою землю, спокойный Днѣпръ струилъ неровныя волны, всколыханныя мѣрными размахами веселъ рыболова, правившаго челнокъ свой къ противному берегу. Не спѣшилъ онъ къ вершамъ и мрежамъ своимъ,

въ надеждѣ обрадовать удачною ловлей семейство. — Да и не радость ждала его у порога хаты: тамъ ждала злая жена, докучная какъ грусть о потерянномъ счастіи.

Рыбакъ подъѣхалъ, вытащилъ мрежи, вытащилъ и верши: пусто; ни одной рыбки. Горюя о своей безотрадной долѣ, и вспомнивъ о брани и шумѣ, а можетъ быть и дракѣ съ женой, онъ подумалъ: «радъ хоть водянаго позвать на помогу; что дѣлать; тяжела бѣдность одному; не легко дѣлить ее съ доброю семьей; но горе, гдѣ подъ одною съ ней кровлею живетъ злая жена!» Такъ размышлялъ онъ,

доставая изъ воды послѣднюю свою вершу — въ ней что-то за шевелилось. — Рыбакъ встряхнулъ, тащитъ: показались рога, а за ними вылѣзъ и весь водяной съ мохнатыми козьими ногами и бараньею головою, которою покачавъ, сказалъ: «Вотъ то-то: давно бы повидаться со мною. Не возвращался бъ ты домой съ пустыми сѣтями, и мнѣ спасибо сказалъ бы. Привыкши видѣть жену, рыбакъ не весьма испугался косматаго гостя. — Сатана, отвѣчалъ онъ ему, когда ты разогналъ мою рыбу, и самъ влѣзъ въ сѣти за тѣмъ, чтобъ постращать запоздалаго рыболова, то будь ты проклятъ.—

«Я, возразилъ водяной, нырялъ не вдалекѣ, и завидя тебя, предсталъ, чтобъ сослужить службу. Не сердись пріятель; ты, я знаю горюешь: невидать тебѣ счастья, пока будешь съ женою; она давно ожидаемая адомъ добыча. Хочешь жить въ тишинѣ и довольствѣ, откажись отъ нея, и тогда сѣти твои не будутъ пустыми. Что тебѣ въ женѣ, иль еще мало терпѣлъ съ нею напастей. Соглашаешься уступить ее, что ли? Рѣшайся!»— Рыбакъ призадумался; но потомъ вдругъ спохватясь, вскричалъ: «убирайся съ ней къ чорту, и высоко взмахнулъ весломъ, чтобъ порядкомъ огрѣть по рогамъ искуси-

теля; но весло шлепнуло по водѣ, и челнокъ закачался. Рыбакъ перекрестился и отправился къ дому, чтобъ безъ ужина при брани и шумѣ, въ отрадномъ снѣ забыть тревогу дня, до новаго солнца.

Въ убогой хатѣ рыбака, тускло освѣщенной каганцомъ [7], все было тихо, какъ въ могилѣ; только однозвучное чириканье сверчка у печки, да повременное бормотанье сидѣвшей въ углу за прялкой хозяйки, свидѣтельствовали о присутствіи жизни въ семъ жилищѣ бѣдности.

« Видно прогнѣвали мы Бога — сказалъ вошедшій хозяинъ—невзгода надъ нами; нѣтъ улову ни

крошки! такъ никогда небывало; что дальше, то хуже и хуже; хоть самому броситься съ отчаянья въ рѣку, такъ въ пору.»

— Туда и дорога, вскричала разсвирѣпѣвшая злая жена; проклятый ленивецъ! — Всему виной твоя нерадивость.

Пошли упрекъ за упрекомъ, а за ними и брань и шумъ и тревога. Между тѣмъ раздоръ, подстрекаемый досадой, ужъ близко былъ драки. Вдругъ постучались у двери. Кого несетъ нечистая сила, возопила хозяйка, какой тамъ бродяга?—Ступай до села! — Здѣсь тѣсно; чортъ тебя носитъ въ такую позднюю пору. — «Я въ

домѣ хозяинъ; не дамъ запоздалому съ проклятьемъ оставить порогъ моей хаты, возразилъ рыболовъ, отворяя дверь гостю.»— Не добре хозяйка, молвилъ вошедшій, я запоздалый; не знаю дороги; иду издалече; за что ты такъ злишься? — « Какъ, заревѣла злая жена, ты еще смѣешь, бродяга браниться! » — и бросилась къ гостю.

« Возьми тебя чортъ, сказалъ рыболовъ; съ тобой нѣтъ житья не только своимъ, но даже пришельцу.»—Заварилась каша. Ужъ въ гостя вцѣпилась хозяйка; но и тотъ не оставался безъ обороны. Незная къ кому спѣшить на помогу,

рыбакъ стоялъ въ недоумѣньи, опустя праздныя руки. Межъ тѣмъ драка что дальше то пуще. Ужъ бойцы плотно впилися другъ въ друга. Гамъ, шумъ чуть хата вмѣщала; но какъ низубаста была жена рыболова, да и чортъ былъ казистъ: — ибо пришлецъ былъ онъ. — « Сгинь, сатана! » — закричалъ изумленный хозяинъ, увидя изъ подъ распахнувшейся свитки [8] мохнатаго гостя козьи ноги. — Земля растворилась и снова сомкнулась; каганецъ погасъ, заструясь отъ багровой свѣтильни тусклою лентой, и въ хатѣ все тихо и темно какъ бы ничего небывало; лишь только малютка-дочь,

лежавшая на печкѣ, и въ страхѣ забившаяся въ уголъ, зашевелилась.

Не стало гостя—не стало и злой жены. Хозяина обдалъ холодный потъ; онъ не смыкалъ очей до разсвѣта; но съ утромъ, гонимый нуждой, сотворилъ молитву, и пошелъ къ привычной работѣ.

Прошелъ не одинъ уже годъ, и разцвѣла, красотою непохожая ни въ чемъ на мать, дочь рыболова. Въ семействѣ старика водворилось спокойствіе, и потомъ на зовъ темноголубыхъ очей дочери, отражавшихъ прекрасную душу, вошло съ женихомъ и довольство и уже неоставляло ихъ хаты.

Однажды, послѣ утренней, прибыльной ловли, когда дочь съ мужемъ отправилась съ рыбою въ городъ, старикъ въ полдень Іюльскій разославъ свои длинныя сѣти, бродилъ около ихъ, озирая не нужноль починки. Вдалекѣ показался ему знакомый рыбакъ изъ зарѣчья. На канунѣ вышли у нихъ нелады. Старикъ хотѣлъ подойти къ нему, но чѣмъ дальше шелъ въ тростникѣ, тѣмъ тина становилася глубже. Окликнувъ его, онъ изумился, увидѣвъ предъ собой водянаго. — « Здорово пріятель, вскричалъ мохнатый, давно невидались! »—Рыбакъ, вспомня былое, не зналъ куда дѣться;

но дѣлать было нѣчего; подошелъ, ободрился. — « Ну, не скажу тебѣ я спасибо, продолжалъ сатана: навалилъ ты на меня бремя! — Какому чорту сладить съ женой, которая на землѣ была чертовкой? Не стало отъ нея мнѣ житья въ преисподней. Вотъ, какъ видишь, брожу поневолѣ по бѣлому свѣту. Не нужно ли, пріятель, тебѣ отъ меня какой послуги, измолви; не замѣшкаю сдѣлать. » Старикъ, отступивъ назадъ, прошепталъ молитву, и перекрестясь, хотѣлъ сказать: — сгинь сатана, но водяной изчезъ, и тростникъ зашевелясь, означилъ слѣдъ его въ отдаленіи.

Такъ, знать, довольство и самое счастіе водворяется лишь тамъ, гдѣ живетъ тишина и согласіе въ семействѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Не весьма далеко.
2. Ручь, модный портной.
3. Шляпная фабрика Циммермана, лучшая въ Петербургѣ.
4. Любопытные могутъ найти въ мѣстныхъ судебныхъ архивахъ ясныя доказательства сказанному.
5. Рѣчка, пересѣкающая Невскій проспектъ.
6. Во время зажиганія Фонарей, для защиты отъ вѣтра, будочники накидываютъ на себя рогожу.
7. Родъ лампы, въ которой горитъ растопленное сало.
8. Верхняя одежда Малороссіянъ.

LB Ap '09

LIBRARY OF CONGRESS
00025245404